

Музыкальная академия

4/2009

Владимир Цыбин — «Русский Таффанель»

В 2009 году исполнилось 60 лет со дня смерти известнейшего русского и советского флейтиста, основоположника новой послереволюционной российской флейтовой школы Владимира Николаевича Цыбина. По его методикам было воспитано не одно поколение высокопрофессиональных солистов и педагогов. Влияние его личности на протяжении целых десятилетий существенным образом отражалось в развитии флейтового сообщества всего Советского Союза.

Следует заметить, что речь идет не о фигуре локального масштаба: личность и педагогический профиль Цыбина все больше интересует западных флейтистов. И хотелось бы избежать уже ставшей традиционной ситуации, когда признание собственных достижений, переоценка тех или иных фигур в России происходит под влиянием извне¹.

Данная статья, не претендуя на исчерпывающую полноту обзора, направлена на восстановление исторической справедливости в отношении этого артиста.

Владимир Николаевич всю жизнь был чрезвычайно целеустремленным и творчески ищущим музыкантом, что помогало ему реализовывать многие грани своего таланта в различных областях. Он, безусловно, был одним из самых виртуознейших флейтистов своего времени². При этом он был и блестящим дирижёром и незаурядным композитором. К тому же, мало кто знает о том, что всю первую половину своей жизни он с большим удовольствием пел на клиросе, а затем долго регентствовал на общественных началах в церквях, работал как хормейстер в светских хорах, несколько лет занимал место светского преподавателя церковного пения в мужской гимназии. Даже со своей будущей женой он познакомился на репетиции хора³.

Но в первую очередь, для российских флейтистов XXI века имя профессора Цыбина ассоциируется с его преподавательской деятельностью. Он продолжил дело немецких специалистов, работавших в русских

консерваториях, и стал вторым после Фёдора Степанова из Санкт-Петербурга русским профессором. Замечателен и уникален тот факт, что Цыбин преподавал по классу флейты в обоих ведущих высших учебных заведениях России — и в Санкт-Петербургской консерватории при царской власти, и в Московской после Октябрьской Революции. «Из всех моих учеников (более 120 человек) лучшие окончили Консерваторию с отличием: <...> Платонов⁴ — профессор МГК и института имени Гнесиных, Ягудин⁵ — солист Госоркестра СССР, доцент ВУВДСА⁶, Харкиевич — преподаватель музыкального училища при МГК, Баранников — солист оркестра ГАБТ, преподаватель училища имени Ипполитова-Иванова, Федотов — солист театра имени Кирова⁷, Венцековский и Виноградов — Солисты оркестра МХАТ, Саакян, Заливухин — артисты Госоркестра СССР<...>»⁸.

Надо отметить и петербургско-ленинградских учеников маэстро: Л.Шлеймовича, так же закончившего с отличием полный курс и ставшего впоследствии профессором Казанской консерватории; Г.Мадатова — преподавателя Института имени Гнесиных в Москве; солиста Ленинградского симфонического оркестра и филармонии, профессора Ленинградской консерватории Б.Тризно⁹, написавшего единственную в советское время монографию о флейте¹⁰.

В свою очередь, многие из его учеников, знаменитые в последующем флейтисты-исполнители и преподаватели, оставили тёплые воспоминания о своём учителе. Из этих свидетельств, других архивных материалов, а также Автобиографии, написанной В. Цыбиным, складывается драматичная картина жизненного и творческого пути музыканта.

*

Родители музыканта были люди скромные, незнатного происхождения, как впоследствии писал сам флейтист о своих сословных корнях — из мещан¹¹. Дед по отцовской линии был ещё крепостным, его отдали в солдаты, и он принимал участие в обороне Севастополя в крымскую войну 1855–1856 годов. Отец, Николай Михайлович Цыбин, был профессиональным музыкантом, играл на скрипке, создал собственный оркестр. Мать тоже была музыкальна, играла на гитаре и прекрасно пела, подбирала по слуху романсы

и даже некоторые арии из опер. Родился Володя Цыбин в городе Ивано-Вознесенск (ныне Иваново) в 1877 году. Он был старшим сыном, позже у него появилось ещё два брата Александр и Пётр.

Через некоторое время отец устроился на работу в Москве. За ним и вся семья в середине 1880-х годов перебралась на новое место. Вскоре после переезда в Москву у его отца начался туберкулёз лёгких, и в ноябре 1886 года он скончался. В связи с потерей кормильца, семья осталась без средств к существованию. Как пишет в Автобиографии В. Цыбин, отца удалось похоронить, только продав его скрипку и ноты. Денег на жизнь не хватало, и вскоре мать отдала девятилетнего Володю в музыканты в полк.

Капельмейстер музыкальной команды 12 гренадёрского Астраханского полка, проверив слух мальчика, взял его в ученики-флейтисты до достижения им совершеннолетия в двадцатилетнем возрасте. Обращает на себя внимание тот факт, что в своих мемуарах, которые он писал уже в конце жизни, Владимир Николаевич с удивительной точностью воспроизводил мельчайшие подробности из своего детства и юности, что говорит о его природной склонности к порядку и свидетельствует о феноменальной памяти. Например, в эпизоде с поступлением на службу в полк, он скрупулёзно указывает весь список и воспроизводит нотами те песни и мелодии, которые он пел на слух на экзамене капельмейстеру почти 60 лет назад! А вот как Цыбин описывал процесс обучения в полку: «Каждый день утром с 8 до 10 были занятия. Каждый музыкант занимался отдельно, а с 10 начиналась общая репетиция всего оркестра <...> От 4-х часов дня капельмейстер занимался с учениками, в том числе и со мной. На другой же день моего пребывания я получил первый урок. Мне показали, как надо держать инструмент и как вдвухать воздух, и дали листочек нотной бумаги, на которой было написаны ноты с названием каждой ноты и велели выучить наизусть на какой линейке какая нота находится»¹². Общеобразовательными же

предметами, то есть русским языком и арифметикой, всего лишь три раза в неделю с мальчиками занимался один из офицеров полка.

Яркие музыкальные способности юного флейтиста, прекрасный слух и цепкая память, помогали ему очень быстро прогрессировать. Цыбин вспоминал: «Я уже в это время поигрывал и на большой флейте, но у меня было ещё мало силы, чтобы свободно играть. Мне ещё было 11 лет и дыхание было настолько неразвито, но звук и терпение позволили мне исполнять трудные произведения»¹³. Через несколько лет ему стали доверять делать оркестровки небольших пьес и даже дирижировать на репетициях военной команды, заменяя капельмейстера.

Уже в детском возрасте Владимир прекрасно знал весь популярный репертуар духового военного оркестра, состоящего из маршей, полек, вальсов и других танцевальных пьес. Служба дала ему возможность также познакомиться с прекрасной музыкой композиторов Глинки и Чайковского, Оффенбаха и отца и сына Штраусов, Россини и Верди. Володя слышал скрипичные концерты Венявского, Бруха, Вьетана в исполнении племянника капельмейстера. Все эти музыкальные впечатления весьма и весьма волновали молодого музыканта. Вот как он описывал своё эмоциональное состояние от одного из представлений: «<...> музыка в душу так запала глубоко впервые. Я почувствовал красоту гармонии»¹⁴. Он захотел стать профессиональным музыкантом и твёрдо решил поступать в Московскую консерваторию.

В августе 1889 года, впервые перешагнув порог консерватории, юный музыкант благополучно сдал вступительный экзамен. Из семи претендентов приняли только его, причём на бесплатный курс. Так как Володя в свои 12 лет уже обладал хорошей техникой, то его приняли на среднее отделение консерватории, что примерно соответствует первому курсу современного музыкального училища. Вместе с ним в классе профессора Кречмана учились студенты Ямик, Бауэ, Кузьмин, Левин, Соболев и другие. Володе выдали казённую флейту новой для него системы Бёма. Здесь следует отдельно подчеркнуть тот факт, что только под руководством Василия Васильевича Кречмана началось по-настоящему профессиональное обучение Владимира

игре на флейте. Кроме специальности студент Цыбин обязан был посещать курсы элементарной теории, правила которой юный флейтист никак не мог усвоить, и сольфеджио, которое наоборот, давалось ему очень легко — диктанты он всегда писал первым. Научные классы, то есть общеобразовательный школьный курс, он не посещал вовсе, зато очень часто играл на академических вечерах и благотворительных концертах.

Владимир Цыбин, уже будучи студентом Московской консерватории, всё ещё официально оставался на попечении Астраханского полка, вплоть до 1894 года (но всё же меньше оговоренного при поступлении срока в 11 лет). Все это время, постоянно находясь в окружении взрослых солдат, он привык к дисциплине и постоянному труду. Всегда нуждавшийся в средствах, быстро повзрослевший и очень самостоятельный юный виртуоз, начал с самых ранних лет зарабатывать себе на жизнь так называемыми «халтурами» на балах и свадьбах. Едва поступив в консерваторию и появляясь на занятиях крайне редко, он сразу же стал искать себе места службы в качестве флейтиста в более профессиональных оркестрах частных театров и различных антреприз, благо возможностей устроиться было немало. Это были заведения развлекательного плана с лёгким классическим и эстрадным репертуаром — театр в летнем саду Петровского парка, театр Омона (называемый так же *Salon de Varieté*), только что открывшийся театр Эрмитаж в Каретном ряду, театр Корша и другие.

Однако служба в полку и работа в театрах и по свадьбам вместе с учёбой в консерватории не оставляли много времени для индивидуальных занятий на инструменте. В конце концов, регулярное отсутствие на занятиях привело к тому, что музыкант так и не закончил в Московской консерватории полного курса — в 1895 году он был исключён¹⁵.

Из-за того, что он не посещал в детстве школы, Владимир был вынужден в свои 18 лет брать дополнительные уроки словесности, правописания и арифметики. «Я получил много поучительного, — вспоминал Цыбин, — и воспитательного за этот год [1895-й — А.А.]<...> После жизни среди солдат разных верований, национальностей здесь было много поучительного культурного для меня самообразования. Я стал покупать книги, прочёл всех

русских классиков Тургенева, Л.Толстого, Гончарова, Достоевского, А.Толстого, Лермонтова, Пушкина <...> Жуковского, Чехова. Особенно я интересовался и зачитывался романами “Война и мир” Толстого и “Идиот” Достоевского»¹⁶.

В декабре 1896 года Владимир Цыбин резко взлетел вверх по карьерной лестнице: он был принят по конкурсу на работу в оперный состав оркестра Большого театра на пикколо и 3-ю флейту. Исполнилась его заветная мечта о возможности служить в блистательном Императорском Большом театре, переживавшем в то время свой расцвет. Поступление сюда открыло перед музыкантом широкие профессиональные перспективы. Например, в симфонических концертах И.Р.М.О., в концертах в Дворянском собрании Московской филармонии постоянно участвовал оркестр Большого театра. Познакомился Владимир в Большом и с Владимиром Степановичем Терентьевым (сыном контрабасиста Терентьева, служившего у Цыбина-старшего). Он регулярно стал приглашать Цыбина-младшего играть в сборных симфонических оркестрах, которыми сам и дирижировал. Следующие пятнадцать лет своей жизни, вплоть 1910 года, Владимир Цыбин весь зимний сезон проводил на службе в театре, а каждым летом уезжал с Терентьевым на заработки в южные города: Кисловодск, Минеральные воды, Ростов-на-Дону, Севастополь, Киев и другие.

Прослужив десять лет в оркестре Большого театра, флейтист решил сменить место работы. Ему давно хотелось стать солистом оркестра, а не занимать место всего лишь пикколлиста. Случай представился в 1907 году, когда он по итогам конкурса¹⁷ сумел занять вакансию первой флейты в столичном Санкт-Петербургском Мариинском театре. В ноябре в журнале «Музыкальный труженик» появилась небольшая заметка, посвящённая этому событию: «Московский виртуоз на флейте В.Н.Цыбин принят по конкурсу солистом в оркестр Мариинского петербургского театра. Дебют г. Цыбина в прелюдии 2-го акта балета “Дочь Фараона” вызвал оживлённые комментарии петербургской прессы, признавшей в артисте все данные, для того чтобы занять высокое положение в музыкальном мире в качестве выдающегося солиста-флейтиста»¹⁸.

Должность солиста оркестра лучшего в Российской Империи музыкального театра и слава виртуоза позволила флейтисту Цыбину оказаться в сфере интересов легендарного и самого известного русского художественного проекта дореволюционной эпохи: летом 1909 года Владимир провёл несколько месяцев на гастролях в Париже с оперой и балетом «Русских сезонов» Дягилева. Как известно, Сергей Павлович Дягилев приглашал для участия в своих антрепризах только самых лучших представителей мира искусств: художников, актеров, танцоров, вокалистов и музыкантов.

Из книги Сергея Лифаря мы узнаём, что в 1909 году показывались следующие постановки: «Павильон Армиды» Н. Н. Черепнина, «Половецкие пляски» из «Князя Игоря» Бородина, «Le Festin»¹⁹ на музыку Римского-Корсакова, Чайковского, Мусоргского, Глинки и Глазунова, «Клеопатра» Аренского (шедшая в Мариинском театре под названием «Египетских ночей»²⁰), «Сильфиды» на музыку Шопена, «Борис Годунов» Мусоргского, «Псковятинка» Римского-Корсакова (под названием «Ivan le Terrible»²¹) и первый акт «Руслана и Людмилы»²². Как видно из приведенного выше списка постановок, Дягилеву в оркестр нужны были первоклассные виртуозы-универсалы, способные наилучшим образом выразить музыкальную идею, как оперы так и балета, ведь на протяжении шести недель гастролей балетные спектакли чередовались с оперными. Владимир Цыбин как нельзя лучше соответствовал этим требованиям.

Место службы солистом оркестра Санкт-Петербургского Мариинского театра стало вершиной исполнительской карьеры музыканта, но не пределом его творческих устремлений. В тот период Цыбин страстно желал стать дирижёром. Ещё будучи воспитанником в полку, он проявлял склонность к «управлению музыкальной командой» (по выражению самого Владимира Николаевича), а по заданию капельмейстера на слух аранжировал множество музыкальных произведений. Работая же солистом в оркестрах Терентьева, молодой музыкант постоянно занимался оркестровкой и получал от этого дополнительный доход. Он начал сочинять²³.

Владимир отчётливо понимал, что ему катастрофически не хватает

теоретических знаний, но плотный рабочий график не давал ему возможности продолжить академическое дирижёрско-композиторское образование²⁴. Наконец, будучи ведущим солистом Мариинки, в возрасте 34 лет музыкант решился и поступил осенью 1909 года, после возвращения из гастролей в Париж, в Петербургскую консерваторию по классу теории композиции²⁵. Его преподавателями по теории композиции был А.Лядов, а по дирижированию Н.Черепнин²⁶.

После пяти лет учёбы в 1914 году Цыбин закончил полный курс Санкт-Петербургской консерватории сразу по двум специальностям. На выпускном экзамене по дирижёрскому классу он продирижировал оперой Моцарта «Свадьба Фигаро», а по теории композиции экзаменационной работой была его Симфония E-dur²⁷, о которой тепло вспоминали критики и через много лет: «Эта печать скромности характерна <...> флейтиста академической оперы В.Цыбина, отличнейшего музыканта, почему-то до сих пор совершенно не выступавшего публично со своими композициями. Между тем ещё лет пятнадцать тому назад нам пришлось слышать в Павловске содержательную симфонию того же автора, но время, эпоха обострённой борьбы за музыкальный модернизм мешали тогда выделиться композитору с художественным мировоззрением, явно склонявшимся к хорошо продуманному лирико-романтическому письму»²⁸.

После блестящего окончания консерватории по теоретическим дисциплинам, Цыбину предложили вести класс флейты в той же консерватории. Эта вакансия освободилась после скоропостижной кончины знаменитого флейтиста Фёдора Васильевича Степанова, а в 1917 году по решению художественного Совета Петроградской Консерватории Владимир Николаевич был утвержден в звании профессора²⁹.

С началом революции 1917 года у Цыбина началась полоса творческих неудач. Он, конечно, продолжал преподавать в консерватории и служить в Мариинке. Но после яркого дирижёрского дебюта в опере «Богема», в театре ему стали лишь иногда предоставлять возможность дирижировать балетными спектаклями. Этого было чрезвычайно мало по сравнению с его профессиональными ожиданиями, ведь он был, наравне с однокурсником

Сергеем Прокофьевым, одним из лучших выпускников Петербургской консерватории. Его музыкальная карьера в Санкт-Петербурге развивалась совсем не так, как он это себе представлял.

Период с начала первой мировой войны 1914 года и до возвращения в Москву в 1920 году осящён в мемуарах Владимира Николаевича очень схематично, буквально на нескольких страницах. Есть предположение, что некоторые события того времени музыкант если и описывал в дневниках, то впоследствии он или его ближайшие родственники предпочли не показывать их публично, а может быть и вовсе уничтожили. Да это и понятно, ведь времена были опасные. Складывается устойчивое впечатление, что музыкант не хотел досконально описывать свою жизнь в то время, и открыто показывать своё отношение к происходящему. И если о социальных катаклизмах музыкант предпочитает не распространяться, то о своих творческих неудачах он упоминает с большой горечью: «Какой-то злой демон орудовал, чтоб не дать мне работать в этой области»³⁰. В 1919 году, после двух лет управления симфоническими оркестрами, Владимиру Николаевичу по его собственным словам — «<...>вследствие Октябрьской революции<...>» — не удалось больше оставаться дирижёром. При этом он потерял лучшую часть своей оркестровой библиотеки, экспропрированную большевиками. О последнем событии, об общей сложности положения ярко повествует и «Ходатайство Петроградского отдела Всероссийского профсоюза оркестрантов перед музыкальным отделом Наркомпроса о возвращении Владимиру Николаевичу Цыбину реквизированных нот»³¹.

Можно предположить, что Цыбин переживал острый мировоззренческий кризис, связанный с лишениями первой мировой и гражданской войн, напряжённой социальной обстановкой вокруг, революционными событиями, хаосом периода смены власти и экономической «разрухи».

Все военные и первые революционные годы профессор Цыбин оставался в Санкт-Петербурге (Петрограде) лишь изредка выезжая, как дирижер, на гастроли в провинцию. Его семья, вероятно в 1917 году, перебралась обратно в Москву. «<...>Но в 20-м году, — вспоминал Цыбин, — мне надоело жить на четвёртый год одному без семьи. Я бросил всё и

переехал в Москву, ибо семья моя нуждалась во мне, а без семьи не видал смысла жизни»³². Таким образом, в 1920 году Владимир Николаевич оказался в столице, в самом расцвете творческих сил, но без понятных и предсказуемых перспектив. В стране сменилась правящая элита и идеология, то, что казалось незыблемым вчера, сегодня уже не имело смысла. Надо было выстраивать отношения с новыми властями.

«По призыву партии», как тогда говорили, семья Цыбиных переезжает в подмосковное Пушкино, на так называемую Дачу Берга. При поддержке Н.Крупской и члена деткомиссии ВЦИК Калининой чета Цыбиных основывает МХТК (Музыкально-Художественную трудовую колонию) имени А.В.Луначарского³³, куда направлялись музыкально одарённые «беспризорные» дети. Инициатором создания колонии стала жена Цыбина: «Е.Цыбина пришла в Московский отдел народного образования и поделилась сокровенной мечтой: создать такой детский дом, воспитанники которого, получали бы и соответствующее эстетическое, музыкальное образование. Инициативу Цыбиной поддержали, и вскоре Елизавета Тимофеевна получила назначение заведующей Музыкально-художественной трудовой колонией имени А.В.Луначарского< ...> И если основная тяжесть организационных, хозяйственных забот легла на плечи Елизаветы Тимофеевны, то вся музыкально-воспитательная часть стала добровольным уделом Владимира Николаевича»³⁴.

Цыбин очень образно описывает процесс становления колонии: «1921 год был чрезвычайно трудным, <...> приходилось кроме учёбы и музыкальных занятий выполнять работу по хозяйству, заготавливать дрова<...>. У нас были корова, козы, куры, огород, <...> все усердно по целым дням были заняты. Через год работы мы имели <...> струнный ансамбль: 4 скрипки, 2 виолончели, контрабас, фортепиано и 2 флейты. В том же году я поступил вторично в Большой театр. Некоторые друзья по оркестру помогли мне достать духовые и струнные инструменты, <...> давали бесплатные уроки. В дальнейшем у нас образовался оркестр в 22 человека<...> Эти же ребята играли на духовых медных и у нас образовался духовой оркестр. Мы играли при шествиях в революционные праздники, на

похоронах <...> не только в Пушкине, но и в других [городах — А.А.], в клубах, на выставках в Москве и так далее. К нам в детский дом часто приезжали делегации рабочих из-за границы приезжавших в Москву. Наш дом являлся показательным домом детского воспитания. В дальнейшем из этого дома многие воспитанники поступили в консерваторию и поступили в оркестр, в хор и разные театры в различных городах»³⁵.

Как было сказано выше, сразу после переезда в Москву Владимир Николаевич вторично поступил в Большой театр, где занял место солиста оркестра. В 1925 году, к 100-летию юбилею основания Большого театра, музыкант получил первую государственную награду, ему было присвоено звание Заслуженного Артиста РСФСР³⁶. Позже правительство ещё не раз награждало музыканта³⁷. После кончины В.Кречмана в 1923 году Цыбин получил место профессора и возглавил класс флейты в Московской консерватории, где он преподавал до 1948 года.

Итак, в середине 1920-х годов, после периода болезненной адаптации к новым условиям жизни, музыканту Цыбину приходится менять свои творческие планы. Со временем ему пришлось отказаться от идеи продолжения исполнительской и дирижёрской карьеры, и он всё больше погружается исключительно в педагогическую практику.

Послереволюционное поколение новых преподавателей ВУЗов «молодой» России считало, конечно же, не без указывающих и направляющих директив партии большевиков, что надо резко и решительно отказываться от старых традиций и правил построения учебного процесса, что надо смелее экспериментировать с новыми методиками. Правительством и обществом была сделана ставка на развитие внутренних ресурсов, и профессор Цыбин с большой энергией взялся за практическую реализацию педагогических идей нового времени.

Владимир Николаевич, с детства привыкший много трудиться³⁸, совмещал преподавание в консерватории и МХТК с исполнительской деятельностью в оркестре: «Работая в Большом театре и имея большую нагрузку в этом доме [Музыкально-трудовой колони — А.А.], я в 1923 году занял место профессора по классу флейты. Трудно было работать в этих

учреждениях, так как все три места были весьма ответственных, кроме основных обязанностей по работе, приходилось создавать учебный материал<...> Если бы эта служба была в одном районе, было бы проще и легче, но мне приходилось переезжать в Москву, особенно много волновался я и нервничал, чтоб не опоздал на спектакль или репетицию в Большой театр»³⁹. Здесь надо отметить, что после переезда в Москву в 1920 году и до момента смерти в 1949 году, профессор так и жил в подмосковном Пушкино, вынужденный каждый день ездить издалека на электричке в Москву и обратно. Вот красноречивая выдержка из его Автобиографии: «В консерватории работы прибавилось и надо было заниматься, и, кроме того, постоянно писать много педагогической литературы. В Большом театре стало больше репетиций и спектаклей, на которые точно надо было являться во время, чтобы не опоздать на службу, как в театр, так и в консерваторию я постоянно был в напряженном нервном состоянии. Я обратился к дирекции Большого театра дать мне комнату, чтоб не ездить ежедневно из Пушкина, но получил отказ и по этой причине вынужден был оставить службу в Большом театре [он проработал там до 1 января 1928 года — А.А.] и отдаться всецело педагогической работе в Консерватории, исполнительскую деятельность временно прекратил»⁴⁰.

В дополнение к основному месту работы в Консерватории, в 1927 году он поступил преподавателем в Единый художественный рабфак⁴¹, где вёл класс флейты и оркестровый класс, с середины 30-х годов преподавал на Военно-дирижёрском факультете⁴², а с 1933 года работал преподавателем класса флейты в музыкальном училище при Московской консерватории⁴³.

После окончательного завершения исполнительской карьеры и перехода на преподавательскую деятельность, Владимир Николаевич творчески реализовался в сочинительстве: «Я переключился на амплу композитора, мною написаны около 100 различных произведений, среди них имеются пособия по музыкальной грамоте»⁴⁴. При советской власти композитор Цыбин стал осваивать серьёзные жанры, им были написаны три оперы⁴⁵, около 10 концертов для различных инструментов и другие крупные музыкальные произведения.

Но основную часть композиторского наследия Владимира Николаевича составляют произведения для флейты, которые, к сожалению, при жизни автора издавались крайне мало⁴⁶. Вот как описывал сложившуюся ситуацию коллега профессора известный флейтист И.Янус, работавший в то время в Саратове, а затем получивший профессорскую должность в Ленинградской Консерватории: «<...>чрезвычайно досадно, что Музгиз, выпуская сплошь и рядом мало интересные “игрушечные” так называемые переложения для флейты (которые, кроме авторского гонорара, ничего не дают нового), так бесконечно отстаёт с изданием Ваших произведений! Чрезвычайно досадно, что в этом отношении работники Музгиза представляют известную косность и отсталость. Пора бы уж исправить эту ошибку!»⁴⁷.

А вот мнение ученика Цыбина, профессора Московской консерватории и Института имени Гнесиных Н.Платонова: «Несмотря на очевидную важность поднятия исполнительской культуры духовиков, руководители музыкального образования до недавнего времени об этом мало думали <...> В то время как для пианистов, скрипачей и виолончелистов пишутся в большом количестве различные произведения, на долю духовиков приходится весьма незначительное количество пьес, из которых далеко не все стоят на высоком художественном уровне. Наши крупные композиторы, не в пример классикам, не склонны писать для духовых инструментов. А если и появляются авторы, создающие эту крайне необходимую литературу, то они не поощряются, остаются в тени, лишённые всякого внимания. Создание полноценного сольного произведения для любого инструмента возможно лишь при условии основательного знания его технических и звуковых свойств. Этим знанием в совершенстве обладает В.Н.Цыбин, написавший много произведений для различных духовых инструментов. Произведения эти прочно вошли в учебные программы, но, к сожалению, слишком долго ожидают своего появления в печати»⁴⁸.

Для примера можно привести и ещё одно высказывание: «Между тем известно, что даже многие нужные пьесы остаются в рукописи и долгое время не издаются. Такова, например, была судьба концертного аллегро [№1 — А.А.] Цыбина, лишь недавно вышедшего из печати, несмотря на то, что

оно уже давно широко использовалось в педагогической и концертно-исполнительской практике»⁴⁹.

Пользуясь фактически монопольным положением, Государственное Музыкальное Издательство (Музгиз) вело по отношению к композитору Цыбину совершенно варварскую политику, постоянно требуя корректур и изменений в авторских рукописях: «Предоставленная Вами по договору рукопись школы для флейты нуждается в коренной переработке. Соответствующие указания были даны Вам редакцией школ и самоучителей, и рукопись Вам возвращена. Так как издание школы стоит в плане текущего года, Музгиз просит Вас срочно сообщить, когда Вы сможете вновь передать Издательству рукопись в переработанном виде»⁵⁰. Правда, в послевоенный период Музгизом было издано несколько большее количество флейтовых сочинений композитора⁵¹. Но после смерти автора музыкальные произведения Цыбина продолжали издаваться уже с произвольными и бесконтрольными правками редакторов издательства. Например из рукописи Концертного Аллегро № 1 редакторами Музгиза было купировано сразу две (!) сольных каденции⁵². Написанными от руки и не изданными до сих пор остались множество первоклассных пьес, некоторые из них безвозвратно утеряны. Этот факт вызывает неподдельное чувство сожаления у нынешнего поколения флейтистов и исследователей творческого наследия мастера.

*

Трудно переоценить вклад профессора Цыбина в процесс становления отечественной исполнительской традиции начала и середины XX века, он практически заново основал отечественную флейтовую школу советского периода. Его методические рекомендации, изложенные посредством изданной Школы и концертных пьес, закладывали основы образования и служили эталоном виртуозного стиля для многих последующих поколений советских флейтистов.

На современном этапе развития флейтового исполнительства, в современных космополитических условиях свободного доступа к множеству методических источников, некоторые из его советов оказываются архаичными. Но, если говорить о принципах идентичности национальной

исполнительской школы, то как же можно не учитывать опыт отечественных флейтистов, не исследовать их творческое и педагогическое наследие?! В лучших традициях европейских исполнительских школ, например, и в наше время ведущие педагоги опираются при выработке своего стиля преподавания на работы таких мастеров как Таффанель, Оттетер, Кванц, Моиз и многих других, являвшихся в своё время лучшими представителями именно национальных школ. И здесь можно без сомнения сказать, что для современных российских флейтистов весьма и весьма полезным может оказаться изучение творческого наследия такой многогранной фигуры отечественного музыкального искусства как профессор Владимир Николаевич Цыбин.

¹ Известный немецкий флейтист, профессор Андраш Адорьян находит произведения для флейты Цыбина весьма прогрессивными. Он очень лестно отзывался о Цыбине на своём мастер-классе в Москве осенью 2008 года.

² «Но и у нас был незаменимый флейтист – В.Н.Цыбин, несомненно, могущий быть поставленным рядом с Таффанелем». Цит. по: *Лунаев И.* Оркестровые музыканты. СПб. 1904.

³ В дальнейшем Елизавета Тимофеевна Цыбина долгое время служила в хоре Большого театра.

⁴ Учился у Цыбина в аспирантуре.

⁵ Лауреат Второго Всесоюзного Конкурса музыкантов (II премия в номинации «духовые инструменты») в 1935 году; впоследствии профессор Московской консерватории.

⁶ Всесоюзное Училище Военных Дирижёров Советской Армии.

⁷ Ныне вновь Мариинский театр.

⁸ МГК. Архив отдела кадров. Личное дело профессора Цыбина. Автобиография, рукопись.

⁹ Лауреат Второго Всесоюзного Конкурса музыкантов (III премия в номинации «духовые инструменты») в 1935 году.

¹⁰ *Тризно Б.* Флейта. М. 1964.

¹¹ МГК. Архив отдела кадров. Личное дело профессора Цыбина.

¹² РГАЛИ. Ф. 2043. Оп. 1. Ед. хр. 83. С. 39. Автобиография, рукопись.

¹³ Там же. С. 57.

¹⁴ Там же. С. 46.

¹⁵ Весной того года Владимир на весь летний сезон заключил контракт с оркестром оперного товарищества артистов императорских театров. Но директор консерватории Сафонов, у которого студент Цыбин просил разрешение на сдачу экзаменов досрочно, ответил ему так: «...ты можешь выйти из Консерватории, так как ты не посещаешь уроков, а на флейте ты достаточно хорошо играешь, поэтому тебе незачем быть в консерватории, а полный курс флейты ты можешь закончить на дому у профессора Кречмана и держать экзамен от себя (экстерном)». См.: РГАЛИ. Ф. 2043. Оп. 1. Ед. хр. 83. С. 14.

¹⁶ Там же. С. 18.

¹⁷ На конкурсе Владимир играл вторую часть концерта Лангера и «Вальс» Годара. См.: РГАЛИ. Ф. 2043. Оп. 1. Ед. хр. 83. С. 65.

¹⁸ Музыкальный труженик. 1907. № 26. С. 14–15.

¹⁹ «Пир» (фр.) — прим. С.Лифаря.

²⁰ Помимо музыки Аренского в «Клеопатре» использовались сочинения Глинки, Мусоргского, Римского-Корсакова, С. Танеева, Глазунова, Черепнина — прим. С.Лифаря.

²¹ «Иван Грозный» (фр.) — прим. С. Лифаря.

²² *Лифарь С.* Дягилев. СПб. 1993. С. 174.

²³ «Я начал увлекаться композицией, написал несколько маршей, галоп, 2 кадрили<...>». 1897 год. См.: РГАЛИ. Ф. 2043. Оп. 1. Ед. хр. 83. С. 23.

²⁴ В необходимости продолжить своё теоретическое обучение, Владимира убедила его личная встреча с великим русским композитором Н.А. Римским-Корсаковым в 1907 году. См.: РГАЛИ. Ф. 2043. Оп. 1. Ед. хр. 83. С. 30. Автобиография. рук.

²⁵ При поступлении Цыбин, по его же собственной просьбе, был определён в класс В.Калафати (ученика

Н.А. Римского-Корсакова).

²⁶ «В 1909 поступил в Петроградскую Консерваторию и окончил по двум факультетам: теория композиции (класс профессора Лядова) и дирижирования (класс профессора Черепнина) в 1914». См.: МГК. Архив отдела кадров. Личное дело профессора Цыбина. Автобиография. рукопись.

²⁷ «Вчера днем состоялся публичный акт консерватории, открывшийся по обычаю чтением отчета за минувший год. Первое отделение заняли композиции окончивших по теории музыки. Выдержанно по форме и мелодично написана 1-я часть симфонии Е-dur г. Цыбина (кл. проф. Лядова)». Газетная вырезка за 1914 год из архива Цыбина. См.: РГАЛИ. Ф. 2043. Оп. 1. Ед. хр. 98.

²⁸ Браудо Е. «Фленго» в Экспериментальном театре // Современный театр. 1927. № 13. С. 203.

²⁹ «В 1914 принял предложение дирекции Консерватории занять должность профессора по классу флейты, на которой оставался до 1920. В 1917 по решению художественного совета был представлен и утвержден в звании профессора Ленинградской Консерватории». См.: МГК. Архив отдела кадров. Личное дело профессора Цыбина.

³⁰ РГАЛИ. Ф. 2043. Оп. 1. Ед. хр. 83. С. 77.

³¹ Там же. С. 76. Обращает на себя внимание и тот факт, что во время бурных революционных событий в ноябре 1918 года уже существовал Всероссийский профсоюз оркестрантов.

³² РГАЛИ. Ф. 2043. Оп. 1. Ед. хр. 83. С. 76.

³³ Так же часто профессор Цыбин называл колонию музыкальной детской школой или детским домом.

³⁴ Покорский А. Цыбины // Советская музыка. 1971. № 5. С. 152–154.

³⁵ РГАЛИ. Ф. 2043. Оп. 1. Ед. хр. 83. С. 6.

³⁶ Распоряжение Наркомпроса о присвоении В.Н. Цыбину звания заслуженного артиста Государственных академических театров за подписью А.В. Луначарского от 19.02.1925 года. РГАЛИ. Ф. 2043. Оп. 1. Ед. хр. 83. С. 77.

³⁷ В 1947 году профессор получил звание Заслуженный деятель искусств РСФСР (к 75-летию МГК), в послевоенные годы он был награждён медалями «В память 800-летия Москвы», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945». МГК. Архив отдела кадров. Личное дело профессора Цыбина. Личный листок по учёту кадров от 17.06.1948.

³⁸ «Несмотря на все трудности у меня всегда хватало сил и бодрости работать. Я был приучен ещё в детстве, будучи учеником в полку, и с тех пор никогда не отдыхал, ничего не делая». См.: РГАЛИ. Ф. 2043. Оп. 1. Ед. хр. 83. С. 4.

³⁹ Там же. С. 4.

⁴⁰ Там же. С. 5.

⁴¹ «С 1923 по 1935 год при консерватории существовал рабфак [рабочий факультет — А.А.], дававший способной молодёжи из рабочих основы музыкальных знаний и готовивший её к поступлению на основные факультеты». Федосюк Ю. Улица Герцена, 13 // Московский рабочий. 1988. С. 37.

⁴² «1936–1941 — военфак МГК, 1944–1948 — профессор ВУВДСА (Высшее училище военных дирижёров Советской Армии)». См.: МГК. Архив отдела кадров. Личное дело профессора Цыбина. Личный листок по учёту кадров от 17.06.1948.

⁴³ МГК. Архив отдела кадров. Личное дело профессора Цыбина. Личный листок по учёту кадров от 17.06.1948.

⁴⁴ РГАЛИ. Ф. 2043. Оп. 1. Ед. хр. 83. С. 76.

⁴⁵ Детская опера «Сказка о мёртвой царевне и семи богатырях» по произведению Пушкина, опера-балет «Фленго» по произведению В.Гюго «Гаврош», опера «Алексей Мересьев».

⁴⁶ Оригинальные пьесы для флейты и методические материалы, изданные Музгизом в довоенный период: «Концертные этюды №№1–7». 1936; «Основы техники игры на флейте». Часть I. 1940 год (вторая часть так и не была выпущена).

⁴⁷ Из письма И.Януса профессору Цыбину от 13.03.1944. См.: ГЦММК. Ф. 312. Ед. хр. 101.

⁴⁸ Платонов Н. В.Н.Цыбин, 10 концертных этюдов для флейты // Советская музыка. 1948. № 10. С. 98–99.

⁴⁹ Налбандян Э. Произведения для духовых инструментов // Советская музыка. 1951. № 5. С. 122–123.

⁵⁰ Из официального письма от 25.05.39 за подписью директора Лундина и редактора Мелких. См.: ГЦММК. Ф. 312. Ед. хр. 115.

⁵¹ «Тарантелла». 1947; «Концертное Аллегро №2». 1947; «10 концертных этюдов». 1948; «Концертное Аллегро № 3». 1949.

⁵² Оригинал этой рукописи хранится в РГАЛИ. Ф. 653 Оп. 3 Ед. хр. 188.